

На ярком, цветистом политическом поле перестроенного Красноярска имя Юрия Николаевича Москвича возникло неожиданно: совершенно не известный широкой публике научный сотрудник академического Института физики, в 1990 году он был зарегистрирован на собрании коллектива Красноярского научного центра АН СССР кандидатом в народные депутаты Верховного Совета РСФСР по Октябрьскому району Красноярска, и, несмотря на то, что шёл он на выборы в целом созвездии конкурентов, уже известных городу,— однако избран был именно он! Помню, я и сам, будучи жителем этого района, голосовал за него, совершенно ещё его не зная,— мне импонировало лишь то, что он не профессиональный политик, а учёный, и к тому же— беспартийный.

Причём—странное дело!—многие местные политики в те годы возникали и довольно скоро уходили затем в политическое небытие—а Ю.Н. Москвич оставался: по окончании своего срока депутатства в Москве он появился в Красноярске как полномочный представитель президента по краю и много лет им оставался.

Р.Х. Солнцев, будучи дружен с ним, однажды, где-то в конце девяностых годов, привёл его к нам в Красноярскую писательскую организацию, и Юрий Николаевич выступил перед нами и отвечал на наши вопросы. Помнится, мне—да, по-моему, не только мне—он прежде всего понравился как человек внешне неяркий, скромный, сдержанный, с негромким глуховатым голосом, но при этом выражающий свои мысли очень точно, аргументированно, убедительно и конкретно—не «растекаясь мыслью по древу» и не «распуская перья», как это чаще всего делали профессиональные политики, в первую очередь «партийные», когда им представлялась возможность выступить перед публикой.

Я знал, что, сменив несколько крупных политических должностей в Москве и Красноярске и, в конце концов, оставив реальную политическую деятельность, в начале 2000-х годов он вернулся в науку: поступил работать в Красноярский государственный педуниверситет имени В.П. Астафьева и вновь занялся научной деятельностью, только теперь уже—получив огромный политический опыт, с уклоном в геополитику, социальную философию и социологию образования.

Эти годы мы с ним несколько раз сталкивались, общались мимоходом; помнится, я даже подарил ему однажды свою книжку.

Но в связи с тем, что в течение 2018 года у него вышло в Красноярске сразу четыре книги (две из них—в соавторстве)¹, посвящённых самым современным проблемам гео-, социальной и молодёжной политики, у меня возникло большое желание встретиться с ним, побеседовать на темы этих книг и задать ему несколько вопросов на эти и некоторые другие интересующие меня темы.

Желание встретиться и пообщаться оказалось взаимным. Мы встретились, побеседовали под диктофон; и часть нашего диалога я, с позволения Юрия Николаевича, берусь здесь воспроизвести.

Александр Астраханцев

АЛЕКСАНДР АСТРАХАНЦЕВ. Юрий Николаевич, прежде чем задать вопросы, касающиеся вашей политической и научной деятельности, меня так и подмывает спросить: откуда у вас, родившегося и выросшего в сельской глубинке Красноярского края, такая, я бы сказал, несколько экзотическая для Сибири фамилия? Кто ваши предки? Они в самом деле были как-то связаны с Москвой?

ЮРИЙ МОСКВИЧ. История длинная, и начинается она, как пишут книги о происхождении русских фамилий, где-то в конце шестнадцатого—начале семнадцатого веков, когда Северное Причерноморье, отвоёванное у турок, вошло в состав России и стало называться Новороссией. Царским правительством тогда были предприняты меры, чтобы заселить огромное пустое пространство россиянами самых разных сословий: крестьянами, ремесленниками, промышленными, торговыми и другими

1. Ю. Н. Москвич. Трудный путь к новому человеку. 2018. Красноярск.

Ю. Н. Москвич. Кризис рядом. 2018. Красноярск.

Ю. Н. Москвич, Е. Н. Викторук. Ценности современных студентов. 2018. Красноярск.

Е. Н. Викторук, Ю. Н. Москвич. Этика успеха. 2018. Красноярск.

предприимчивыми людьми, — переселяя их из обжитой России. У них, как правило, были фамилии по месту их прежнего проживания: Москвич, Казанец, Астраханец... Так что на юге России и юге Украины и сейчас довольно распространена фамилия Москвич.

По семейному преданию, мой пращур Василий Москвич в начале девятнадцатого века был одесским купцом. Один из его сыновей по имени Карп попал в какую-то историю и был отправлен на каторгу в Сибирь, на соляные шахты в Тасеевской волости (ныне — Тасеевский район Красноярского края). Через год он получил вольную, переехал в село Рождественское (ныне — Дзержинское, рядом с Тасеево), выписал из Одессы жену и двоих сыновей и навсегда остался в Сибири; вот от них и пошёл сибирский род Москвичей. Они роднились с чалдонами, активно плодились и имели самые разные профессии: были купцами, предпринимателями, крестьянами, профессиональными охотниками... А дальше — всё как в Библии: Василий родил Карпа, Карп родил Антона, Антон родил Трофима, Трофим родил Николая, а Николай родил Юрия, то есть меня...

Мой отец в тридцатых годах двадцатого века работал одним из руководителей МТС в селе Георгиевка Канского района; там-то в первом послевоенном тысяча девятьсот сорок шестом году появился и я; там вырос и окончил среднюю школу. Кстати, из шести сыновей, родившихся у моих родителей, четверо выросли и, как говорится, «вышли в люди».

Я горжусь своей фамилией, своими предками, обладавшими многими положительными чертами, такими как трудолюбие, стойкость и доброжелательность, своей роднёй и своей сибирской родиной.

АА. Вы начали свою трудовую деятельность как научный сотрудник Института физики СО АН СССР, стали кандидатом физико-математических наук, и, наверное, у вас была блестящая перспектива стать крупным учёным-физиком?

ЮМ. Да, примерно так: в тысяча девятьсот шестьдесят девятом году я окончил (кстати говоря — отличником, с дипломом номер один) физический факультет Красноярского университета (тогдашнего Красноярского филиала Новосибирского университета) и, естественно, получил распределение в Институт физики Сибирского отделения Академии наук СССР в Красноярске. Там, в течение двадцати двух лет работая в лаборатории радиофизики и пройдя длинный ряд профессиональных ступенек, я стал кандидатом наук и ведущим научным сотрудником. Причём, вопреки досужим мнениям, будто я был членом КПСС, в КПСС я никогда не состоял — просто

считал, что это будет мешать мне заниматься чистой наукой. В то же время моя беспартийность не мешала мне расти как учёному.

АА. Но в тысяча девятьсот девяностом году вы резко сменили сферу деятельности, став одним из активных участников перестройки и так называемой «революции завлабов», на много лет связав свою судьбу с политикой, будучи сначала депутатом Верховного Совета РСФСР, сменив затем несколько крупных политических должностей в Москве и Красноярске. Скажите: что заставило вас так резко сменить профессию — из физика превратиться в политика?

ЮМ. Прежде чем ответить на вопрос, мне бы хотелось точнее определить термин «политик». На мой взгляд, политик — это не профессия; политик — это человек, который приходит в нужное время, чтобы помочь людям найти новый путь в жизни и в конечном счёте привести их к желаемому благополучию... А теперь отвечаю на вопрос. Дело в том, что почти все восьмидесятые годы я часто ездил работать исследователем за границу, работал в академических институтах и университетах г-р, Польши, участвовал в международных конференциях, делал доклады, общался с физиками разных стран...

АА. Простите, что перебею: это что, все ваши учёные так часто ездили за рубеж — или только вы?

ЮМ. Конечно же, ездили многие. Но и я ездил часто. Почему? Во-первых, потому, что я был экспериментатором и мог работать на довольно сложных приборах (спектрометрах), дефицит которых мы тогда уже ощущали. Во-вторых, у меня не было проблем с языками.

АА. В Институте физики успели изучить?

ЮМ. Нет, тяга к языкам у меня — с детства. Основным иностранным языком в школе был немецкий, но я самостоятельно с восьмого класса стал изучать ещё и английский. Потом, после школы, я не смог поступить в Новосибирский университет с первого захода; так чтобы не терять время впустую, год проучился в Иркутском институте иностранных языков... В университете я изучал английский и французский. Потом научился сносно говорить по-польски. Ну и, конечно же, регулярное чтение профильной литературы в Институте физики. Но это всё — во-вторых. Во-первых же, в Институте физики я одновременно занимался и теорией, и экспериментами, руководил большой группой инженеров, которые разрабатывали приборы... Во всём этом и были мои конкурентные преимущества перед коллегами...

Так вот, работая за рубежом, я мог профессионально сравнивать уровень науки у нас —

и у них, и уже к началу тысяча девятьсот восьмидесят первого года мне стало понятно, что, будучи впереди в теоретических разработках, мы отстаём в области экспериментальной физики, причём это отставание мы ещё вполне могли преодолеть. Возвращаясь в свой институт, я докладывал об этом, но реакции — никакой. . . В середине восьмидесятых становилось всё очевиднее, что мы отстаём от Запада безнадежно, причём уже не только в экспериментальной физике, но и в других областях науки. И опять — ноль реакции. А ведь в стране уже шла перестройка! . . . Наконец, когда я в тысяча девятьсот восемьдесят девятом году дважды ездил в Польшу, там как раз менялся политический курс, и меня поразили там огромные экономические перемены, причём быстрые — и в лучшую сторону. А вернулся в Красноярск — увидел совершенно пустые полки в магазинах. У меня был шок! И всё же я был ещё уверен: эти отставания вполне преодолимы.

Вернувшись из последней поездки в Польшу в конце восьмидесят девятого года, я пришёл в свой институт и случайно попал на собрание по выдвижению кандидатов в депутаты разных уровней. Идут дебаты, в них много политической патетики. Председатель собрания коллектива попросил выступить и меня, и я выступил: спокойно, доказательно, опираясь на свой научный и жизненный опыт и на то, что я видел за рубежом, рассказал о своём видении конкретных проблем и в науке, и в экономике и об их возможном решении. И на том собрании меня огромным большинством выдвинули кандидатом в народные депутаты России. Причём при голосовании у меня были конкуренты — известные общественные деятели Красноярска. Но до сих пор помню, что за меня тогда проголосовало восемьдесят два процента моих коллег: я почувствовал тогда их огромное доверие ко мне; именно это и стало крутым поворотом в моей судьбе. . .

После непростых размышлений я, в конце концов, согласился участвовать в выборах, ставя самому себе очень скромную задачу: всего лишь помочь своему родному институту, коллегам, помочь, в конце концов, своей семье, Академгородку — чтобы наука получила всё, что ей нужно, чтобы магазины наполнились продуктами и прочими товарами, чтоб были решены другие бытовые проблемы.

И, к моему большому удивлению, я эти выборы выиграл! Однако идти на постоянную политическую работу у меня не было никакого желания; я решил так: выполняю свою миссию депутата и вернусь в свой институт — ведь у меня была твёрдая установка сделать нечто существенное в большой науке, я уже созрел для этого!

Когда я приехал в марте тысяча девятьсот девяностого года в Москву на съезд народных депутатов, то обнаружил, что многие из нас думают так же, как и я: надо лишь добиться смены курса на такой, который приведёт к наполнению магазинов, к дальнейшему развитию экономики, к ускоренному развитию науки, к свободе творчества, и дальше всё пойдёт нормально — изменения будут постепенными, а мы вернёмся домой заниматься своим делом, передав наши функции профессиональным функционерам. Опасностей развала страны, возможной гражданской войны ни один депутат и в страшном сне не видел! . . . Но ситуация в ходе работы съезда развивалась драматически.

Сейчас бытует мнение, что СССР в результате решений съезда развалили демократы. Неправда! Я входил в группу беспартийных депутатов, настроенных на демократические преобразования, и нас было всего семнадцать процентов! Да, в неё входили и бывшие диссиденты-антисоветчики, но их были единицы, а у большинства из нас — как и у меня самого! — был чёткий настрой принести пользу стране и своему народу; эта установка была заложена в нас всем советским воспитанием с младенчества. А коммунистов на съезде было восемьдесят три процента, и решения — те самые, которые кардинально изменили страну! — принимал съезд народных депутатов, опираясь на подавляющее большинство членов КПСС. Почему случилось именно так? Потому что члены КПСС сами очень хотели этих изменений: ведь многие депутаты-коммунисты пришли из промышленности, из сельского хозяйства, из общественных наук, и почти все они прекрасно — даже больше, чем я, — понимаю, что и экономическая, и политическая ситуация в стране к тысяча девятьсот девяностому году пришла к полному тупику, нужны срочные и кардинальные перемены. Конечно же, кое у кого из них были и другие мотивы, вплоть до чисто карьерных. Но об этом стало известно уже потом. . .

АА. Чем вы конкретно занимались на съезде?

ЮМ. Сначала я был избран членом счётной комиссии: подсчитывал голоса и следил за правильностью выборов. . . В том числе и за выборами председателя Верховного Совета. Кстати, разногласия на съезде начались сразу же, при выборах председателя Верховного Совета. Одной кандидатурой был Борис Ельцин, к тому времени вышедший из партии; второй кандидатурой, от коммунистов, — первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС Иван Полозков. Но когда он произнёс свою предвыборную речь — она была настолько убога (говорили, что он выбился во власть из функционеров-физкультурников

районного уровня), что даже депутаты-коммунисты возмущались: «Боже мой, кого нам навязывают!» Думаю, это была потрясающая ошибка. Второй ошибкой было выступление на съезде президента СССР Горбачёва, страшно высокомерное, презрительное по отношению к депутатам. Это привело к тому, что большинство проголосовало за Ельцина, причём большинство это было всего в один голос!

На съезде я был выдвинут одновременно в члены комитета по науке и образованию и в члены конституционной комиссии... Кстати, работая в конституционной комиссии, именно я настоял ввести в закон о выборах пункт, который и сейчас действует на муниципальных выборах: введение в избирательные бюллетени графы «против всех».

АА. В августе тысяча девятьсот девяносто первого года, то есть сразу после известного путча, вы были назначены полномочным представителем президента России в Красноярском крае, Эвенкии и на Таймыре. В чём были ваши обязанности на этой должности?

ЮМ. Если честно, самых главных обязанностей у регионального представителя президента было немного — всего три, но они были необычайно актуальны тогда: во-первых, принимать всевозможные срочные меры по предотвращению голодных бунтов (страх перед ними тогда был очень велик!); во-вторых, контролировать исполнение президентских решений на местах и оценивать качество принимаемых решений местных властей с той точки зрения, чтобы не допустить развала страны; и в-третьих, обязанность подавать на имя президента рекомендации кандидатов на важнейшие должности в крае, от губернатора до руководителя МВД. Остальные обязанности — тоже важные, но второстепенные.

По-моему, мне удалось выполнить все эти задачи. Заметьте: из всех представителей президента на территории России только двое удержались на своих постах более семи лет, то есть до того времени, когда институт представителей президента новым президентом Путиным был значительно реорганизован. И один из этих двоих — ваш покорный слуга.

АА. Выходит, наши губернаторы того времени — Вепрев, Зубов, Лебедь — ваши креатуры?

ЮМ. Вепрев и Зубов — да. И я не ошибся. Оба в трудные годы оказались на месте: Вепрев — как самый опытный и авторитетный не только в крае специалист сельского хозяйства, не давший развалиться аграрный сектор края, а Зубов (сначала работавший у Вепрева) — как высококлассный, прогрессивно мыслящий экономист.

АА. Александр Иванович Лебедь — ваша креатура?

ЮМ. Нет! Центральная власть поддерживала на тех выборах кандидатуру Зубова и делала всё, чтобы Лебедь те губернаторские выборы не выиграл.

АА. Почему?

ЮМ. Во-первых, его пришествие в Красноярск было подобно рейдерскому захвату; его кандидатуру поддерживали мощные финансовые группы, в том числе и зарубежные, работающие на свои интересы в фантастически богатом регионе. После выборов стало известно, что Лебедь израсходовал в выборах около восемнадцати миллионов долларов, что во много раз превышало разрешённый законом край избирательный фонд кандидата в губернаторы в шестьсот тысяч тогдашних рублей.

Во-вторых, победа в крае нужна была Лебедю только как ступенька к президентству страны: край для него, как для азартного игрока, был лишь разменной монетой. Прекрасно осознавая, что в условиях политической «шатости» того времени народ наивно надеялся на его «сильную руку», он твёрдо рассчитывал, что, став губернатором огромного, экономически мощного края, он потом легко станет президентом.

Но он просчитался: у его главного противника Зубова, шедшего на второй срок, в крае были сильные позиции, так что в первом туре Лебедь выборы выиграть не смог, а во втором — выиграл с минимальным для будущего президента России перевесом, и дальше в политических кругах России никто всерьёз его уже не воспринимал. Да он и сам, конечно же, это понял, и его трагическая смерть — в какой-то степени результат этого проигрыша.

АА. Вот вы говорите: политическая «шатость», опасность развала страны... Это что, в самом деле было так?

ЮМ. Да. В тысяча девятьсот девяносто восьмом году Россия была на грани реального распада: слишком сильны были центробежные силы, разрывавшие её на части. В октябре девяносто восьмого года я был одним из пятнадцати известных экспертов, которые в Москве обсуждали, через сколько недель или месяцев Россия (представляете!) распадётся. Только двое из них аргументированно доказывали, что этого уже не произойдёт — «дно» пройдено; из этих двоих один был новосибирский экономист, второй — я.

Но одновременно в российских СМИ шла масштабная обработка мозгов, готовя россиян к развалу страны. Так, в это же время в одной из самых многотиражных газет, «Комсомольской

правде», вышла огромная, на несколько номеров, статья очень известного тогда журналиста, в которой расписывалось, как хорошо будет россиянам жить, когда страна распадётся на пять-семь отдельных государств. А в Швеции вышла статья о «великой пользе» создания на территории России не менее десяти стран. Кто нас спас тогда? Это были вовремя назначенный премьер-министром Евгений Максимович Примаков и вся его команда с государственным подходом.

Государственный подход отличается от политического тем, что если путь выбран — нужны жёсткая дисциплина и личная ответственность. Когда он вступил в должность, Ельцин уже болел, лидеры регионов заботились лишь о своих регионах, директора компаний — о своих компаниях, и в стране надвигался управленческий хаос. Как раз в это самое время я уехал из края: меня назначили заместителем министра региональной политики РФ, совсем необычного министерства, созданного Примаковым для выполнения важнейшей в то время задачи — разработки мер противодействия развалу страны и установления ответственного государственного управления, — и всё это начало работать на моих глазах. Например, выяснилось, что из-за сверхвысоких железнодорожных тарифов в Москву совершенно перестало поступать продовольствие. Примаков обращается к министру транспорта: «Почему не выполняете перевозки?» Министр оправдывается утверждёнными тарифами, ещё чем-то; Примаков ему — тихо, но твёрдо: «Если завтра к утру вы не представите мне новых тарифов и графиков поставки продуктов — я завтра же найду другого министра, который к вечеру это сделает», — и сразу все прикусили языки — почувствовали его характер, волю и угрозу для самих себя.

Далее, Примаков дал нашему министерству задание (исполнением которого занимался и я): совместно с другими ведомствами подготовить проект указа по сокращению субъектов Российской Федерации до оптимального числа (двадцать восемь — тридцать), чтобы не только остановить разрастающийся, как нарыв, феодализм территорий, но, прежде всего, сконцентрировать ресурсы страны на развитие. Эта огромная работа к началу апреля тысяча девятьсот девяносто девятого года была выполнена, и десятого мая девяносто девятого года ожидалось подписание указа Ельциным. Но вместо этого указа появился указ об отставке Примакова, роспуске правительства и ликвидации нашего министерства. Одна из причин этого — невероятная активность губернаторов оставить всё как было. Так что задача «собрания земель» досталась уже следующему

президенту, а строительство экономики до последнего времени шло обычным путём. Только к концу две тысячи восемнадцатого года было объявлено, что в России создаются четырнадцать межрегиональных экономических (но не политических!) зон, в рамках которых будет проходить согласованное развитие. Так спустя двадцать лет у нас в крае появился проект «Енисейская Сибирь».

Так что смена экономического курса страны — всегда процесс необычайно сложный и, самое главное, небыстрый. Чтобы получить политические свободы — свободу слова, печати, выборов, предпринимательства, религиозные свободы, — может хватить всего нескольких недель и энергичных усилий группы «горячих голов», заражённых революционной болезнью, нетерпением. А чтобы построить новую эффективную экономику огромной страны на месте старой, нужны даже не годы — десятилетия напряжённого труда миллионов людей, многомиллиардные финансовые вложения, большой опыт строительства новой экономики, причём на пути этого строительства неизбежно будут не только успехи, но и ошибки, просчёты, неудачи. И ещё для этого нужны честные, энергичные, опытные и образованные люди.

Причём эти огромные зазоры между скорыми политическими и медленными экономическими изменениями оборачиваются иногда неожиданными разрушительными кризисами, в результате чего становится на кон судьба целой страны. А главное — это драмы и трагедии миллионов людей, живущих в эти непростые времена.

- АА. С две тысячи второго года вы снова занялись наукой; только теперь сфера ваших научных интересов — изучение современной России и общества с точки зрения геополитики, социологии и социальной философии. В своих книгах и статьях, посвящённых этим вопросам, вы много места уделяете предупреждениям об угрозах большого технического и цивилизационного отставания России, о необходимости формирования в ней новых стратегических целей, а также о необходимости становления в ней обширного социального класса, «когнитариата», состоящего из людей, нужным образом образованных, смелых, предприимчивых и при этом готовых отдавать все свои силы и свой интеллект на благо своей страны и народа. Как вы полагаете: что нужно предпринять обществу, чтобы, по крайней мере, сократить экономическое и техническое отставание страны и воспитать этот новый социальный класс?
- ЮМ. По поводу технического отставания страны: я вынужден был заняться этим уже в тысяча

девятьсот девяносто восьмому году. Те мои книги, о которых вы говорите, вышли в две тысячи восемнадцатом году, но писались они намного раньше. После отставки Ельцина во многих экспертных сообществах Москвы, в некоторые из которых входил и я, было принято решение заняться более серьёзным изучением страны и на основе этих исследований готовить рекомендации для президента. В результате седьмого мая две тысячи восемнадцатого года вышел указ президента России Путина номер двести четыре, в котором впервые в истории нашей страны определены совершенно новые цели и направления развития России до две тысячи двадцать четвёртого года путём осуществления двенадцати крупных национальных проектов, выполнение которых должно обеспечить вхождение России в пятёрку самых технически развитых стран мира. И спрос за исполнение этих проектов уже начался. В этих проектах заложен совсем иной взгляд на то, что и как надо делать; прежние слова-заклинания о неизбежном экономическом чуде отошли в сторону.

Сейчас в интеллектуальной среде идут споры: получится ли это, не получится? Я думаю, может получиться, пусть не на все сто процентов. Но для этого необходим ряд условий, которые в данном указе намечены лишь пунктиром. Хочу остановиться на них здесь подробней.

Да, нам нужно опережающее развитие эффективной экономики на основе научных и технологических разработок, и тут у нас необъятные резервы. Дело в том, что инновационные товары и услуги составляют в России всего двадцать процентов ВВП — а в развитых странах они достигают шестидесяти — восьмидесяти процентов! А экспортируем мы таких товаров и того меньше — всего один процент ВВП! Резерв огромный. Между тем развитие инновационной экономики — необыкновенно сложный процесс, требующий упорства, смелости, риска. Поэтому всякое инновационное производство начинается с малых предприятий, постепенно, по мере завоевания рынка, перерастающих в средние и крупные. И тут важно не задушить малые предприятия налогами и контролёрами.

Но почему, зачем у нас существует более тридцати ведомств и организаций, контролирующих малый и средний бизнес? Ведь невозможно создать успешную экономику, если она обвешана гроздьями контролёров! Ни в одной другой стране мира такого нет. А откуда эти контролирующие организации у нас берутся? Их создают депутаты разных уровней, уверенные, что контроль надо всё более ужесточать: почему-то они считают, что всякий предприниматель — непременно вор, хапуга и обманщик. А почему они так считают? Логика

простая: депутат — исполнитель общественного мнения, а многие люди у нас относятся к предпринимателю с недоверием, держат его за вора и обманщика, заряжают депутатов на непомерное ужесточение контроля над ним и, естественно, выбирают в депутаты именно тех кандидатов, которые жаждут ужесточать контроль.

Но на самом-то деле настоящему предпринимателю, чтобы выжить, надо очень много и хорошо работать; ему просто невыгодно заниматься воровством и обманом! И проблема здесь в том, как скоро изменятся настроения в обществе и власти по отношению к реальной экономике, к предпринимательству и предпринимателю.

Далее. Всякое малое инновационное предприятие возникает из тесного симбиоза двух главных действующих лиц: творца (учёного или изобретателя), создающего идею, новый продукт или способ производства, — и организатора производства. И у изобретателя телевидения Зворыкина в США, и у Билла Гейтса — у каждого из них был свой надёжный партнёр: организатор дела, предприниматель, раскручивавший, коммерциализировавший их идеи. Видите, как получается: слава у нас по-прежнему достаётся изобретателю; а ведь предприниматель, организатор производства — тоже необыкновенно ценная фигура. Даже больше: он — главное действующее лицо всякой инновационной экономики! Предприниматель, как правило, — особый тип человека; это человек умный, смелый и напористый; он должен уметь найти новые знания, приёмы, навыки и при этом быть критически настроенным к тому, что уже есть: вы производите так — а я сделаю это быстрее, лучше, легче, дешевле! — и уметь превратить новые знания в товары, в весомую прибыль и личное признание.

К сожалению, у нас пока что нет достойного уважения как к творцам — учёным, изобретателям, так и к организаторам-предпринимателям, и нет заслуженного признания их заслуг перед обществом, страной.

АА. Что же делать, чтобы поставить уважение к ним на должный уровень?

ЮМ. Надо кардинально изменить отношение к ним нашего общества. А чтобы его изменить, журналистам, писателям, телевизионщикам, кинодеятелям надо день и ночь, используя любую возможность, с гордостью рассказывать об успешных изобретателях и предпринимателях прошлого и нынешнего времени. С кого начать? С Ползунова, Кулибина, Попова, Зворыкина. Рассказывать про индивидуального предпринимателя, живущего рядом с вами, который кладёт свои силы, чтобы изготовить и продать товар,

нужный людям сегодня, — рассказывать о том, что именно эти товары делают жизнь каждого человека — каждого, от столичного жителя до жителя самого глухого угла! — интересней, комфортней, богаче, легче. У нас существует такой дефицит филологической культуры, как пиетет по отношению к изобретателю и предпринимателю, возбуждение интереса к тому, откуда, с приложением каких усилий и энергии создаются вещи, товары, продукты, делающие нашу жизнь ярче, комфортнее, богаче, — а ведь это может быть очень интересно людям!

Привожу пример. Я сейчас выполняю один проект: веду в красноярском лицее номер девять «Школу предпринимательского успеха» и привожу туда успешных, состоявшихся в Красноярске людей. Привёл, например, одного молодого красноярца: он создал фирму «Печенёв», занимается выпечкой печенья, выпускает восемнадцать его видов и успешно продвигает свою продукцию не только по городам Сибири, но уже и в Китае. Он сам рассказывает школьникам, как семь лет шёл к этому: собирал деньги, покупал станки, экспериментировал, продвигал свою продукцию, — так эта встреча и для школьников, и для учителей была куда интересней и полезней, чем чтение книг по предпринимательству или телепередачи о том, как живёт Америка или Англия... Так вот, на первом занятии в этой «Школе успеха» присутствовали школьники одной школы, на втором занятии — из пяти школ, а через несколько занятий — уже из десяти школ! Что это значит? Значит, нашим школьникам этот опыт необычайно интересен!

И я думаю: вот он, растёт и формируется на глазах, этот новый класс молодых людей, «когнитариат», который преобразует Россию, превратит её в современную, технологически развитую страну, которая должна, просто обязана стать одной из самых развитых стран мира!

Главное, что мы ещё должны понять и принять: мир сейчас меняется гораздо быстрее, чем в недавние времена; значит, и мы должны меняться быстрее. Основная часть главного богатства в современном мире создаётся теперь не продажей природных ресурсов и не на огромных заводах — а знанием, умением и способностями многих людей. Как правило, такие люди не во всём похожи на нас. Они энергичны, предприимчивы и настойчивы, в результате чего группы таких людей могут превратиться в продуктивные сообщества, которые неожиданно для всех начинают «вывозить» на себе ведущую часть национальных экономик...

Есть такое социологическое понятие — «принцип Парето». Согласно ему, восемьдесят процентов работы в любой организации выполняют

двадцать процентов сотрудников, причём среди этих двадцати процентов сотрудников есть свои двадцать процентов, которые выполняют восемьдесят процентов всей работы. В США, например, подсчитали, что всё лучшее в науке и экономике создают всего десять тысяч учёных и инженеров страны. А сколько у нас сейчас есть таких людей? И когда их у нас станет достаточно?

Задача в том, чтобы выявить таких людей, поверить им в том, что они, исходя из своих внутренних интеллектуальных, психологических и экономических интересов, станут членами этих успешных сообществ, и дать им хорошее образование. Почему я говорю о хорошем образовании? Потому что плохо образованный человек строит своё поведение не с помощью знаний и точных расчётов, а в первую очередь на иллюзиях, предвзвесах и упрощённых схемах.

АА. Но вот вы пишете в своих книгах о том, что среди нынешней молодёжи бытует приспособленчество, этакое скромное стремление «присосаться» к чиновному госаппарату или к благополучной частной компании. Их, этих приспособленцев, на ваш взгляд, фиксируется в социологических опросах немного — четырнадцать-семнадцать процентов, но я считаю, что это всё-таки много... И есть ещё один вид приспособленчества — «утечка мозгов», когда молодые люди покидают Россию по шкурному принципу: «где сытно, там и родина». Причём такое впечатление, что этот процесс даже поощряется у нас: сам видел в одном из солидных красноярских вузов объявление примерно такого содержания: «Приглашаются для дальнейшей учёбы в Великобритании студенты третьего-четвёртого курсов, имеющие хорошую успеваемость и склонность к научной работе, физически здоровые и имеющие успехи в спорте». Чувствуете, в каком направлении идёт высасывание российского генофонда? Выманивают не только наиболее развитых интеллектуально, а ещё и наиболее здоровых физически. Причём это объявление напечатано крупным шрифтом, вывешено на видном месте — и, думаю, не без согласия руководства вуза. Я уж, грешным делом, подозреваю, что это руководство приторговывает таким ценным «товаром». И я не уверен, что подобные объявления не висят в каждом российском вузе и что переманивает эту молодёжь только одна Великобритания; есть сведения, что уже и Китай этим занимается! Как же в таких условиях строить в России инновационную экономику и создавать «когнитариат»?

ЮМ. Да, согласен, эти черты — пассивная жизненная позиция, приспособленчество — есть

у части нашей молодежи. И ведь не запрещать: свобода выбора у человека в демократическом обществе должна быть. Скажу более: в обществе существует такое распространённое явление, как «социальный паразитизм» (в социологии есть такой устоявшийся термин), когда паразитируют на обществе не только отдельные личности, а иногда и большие социальные группы, и крупные промпредприятия (вроде нашего Краза или Норильского металлургического комбината), которые могут тратить огромные ресурсы, зарабатывать большие деньги и при этом ухищряться платить мизерные налоги и уходить от решения насущных проблем страны.

Да, всё это есть. А вот чего пока нет — так это понимания, что число одарённых людей очень невелико и все богатые страны «ищут таланты» везде: найти готового талантливое специалиста — невероятная экономическая выгода!

К сожалению, в сознании даже у многих руководителей нашего края нет понимания ценности «человеческого капитала»: зачем им какие-то таланты, когда, чтобы добывать, перерабатывать и продавать природные богатства, нужно всего пятнадцать процентов населения края? Помню, ещё в две тысячи десятом году один из прежних руководителей края спрашивал у меня: «А что делать с остальными?» Мой ответ: «Создавать им условия для другой деятельности, в которой можно заработать больше, чем на продаже меди и алюминия», — поставил его в тупик, и он долго смотрел на меня непонимающе...

Кстати, упомянутый мною выше указ президента от седьмого мая две тысячи восемнадцатого года обязывает региональных руководителей искать таланты, учить их в самых лучших вузах, а затем обеспечивать их условиями для инновационной деятельности... Но дело ещё и в другом: я читаю газеты, книги известных современных писателей, просматриваю социальные сети в Интернете и везде сталкиваюсь с одним и тем же явлением — неверием в наш успех.

АА. Но ведь страшные, гибельные ошибки нашего недалёкого прошлого — куда от них денешься? Они ведь почти в каждом из нас ещё болят и кровоточат!

ЮМ. Да, были у нас в истории, и далёкой, и близкой, промахи и ошибки, иногда и гибельные, тупиковые. Ну и что? Вы думаете, мы одни такие, а все остальные — умные да удачливые? Возьмите любую страну мира, самую развитую, самую богатую, — вы думаете, в их истории не было проблем и тупиков? Никакие мы не особые в своих проблемах и постоянном их обсуждении. Но на уроках истории, и своих, и чужих, надо учиться. Особенно учиться на ошибках.

Хватит наступать на грабли, свои и чужие. Мы должны научиться в первую очередь задавать самим себе вопросы и отвечать на них, ничего не упрощая и не лукавя перед самими собой. И надо научиться составлять планы будущего. Иначе нам не построить ни эффективной экономики, ни современного государства, сильного, конкурентоспособного, привлекательного для всех его граждан — каким оно и должно быть. А ведь у нас весьма расплывчатый его образ. Давайте участвовать в создании этого образа все: экономисты, философы, футурологи, инженеры, гуманитарии!

По поводу давних традиций упрощать и забалтывать эту проблему хотелось бы рассказать одну поучительную историю. В две тысячи пятом году я побывал вместе с группой ректоров красноярских университетов на Всемирной выставке в Японии, в городе Нагасаки. Там на встрече с редакторами ведущих газет Японии мне удалось задать давно мучивший меня вопрос: «Наша страна совсем недавно начала встраиваться в непривычный для нас глобализованный мир, и, желая быстро достичь успеха, мы перенимаем что-то то у одной страны, то у другой — а количество проблем у нас только растёт. Вы уже более ста лет встраиваетесь в этот мир, и довольно успешно. Как вам удаётся избежать многих чужих и своих проблем, успешно развиваться и при этом оставаться глубоко национальным обществом?»

Вопрос вызвал оживлённую реакцию у японских журналистов, и один из них взялся мне отвечать: «В тысяча восемьсот шестьдесят восьмом году в Японии произошла революция, и к власти пришло новое правительство во главе с молодым императором Японии, которое решило проводить модернизацию страны по европейским образцам. Министром образования в нём был известный японский философ Фукудзава. Именно он научил японцев, как перенимать чужой опыт, создав при этом целое учение о модернизации на очень понятном для всех японцев языке, которое мы все изучаем в школах и университетах. Основной постулат его звучит примерно так: есть два мира. Первый — это мир видимого, то, что вы видите своими глазами, приезжая, например, в Англию или США: их технические достижения, а также результат их действия — благополучную жизнь, — и вам хочется всё это немедленно скопировать. Но это ошибка. Потому что есть другой мир, мир невидимого: это долгий мир изменений, процессов, которые привели тот или иной народ к благополучию; это пути развития, проблемы и ошибки культуры, образования, удачные и не совсем удачные изменения традиций, общественных ценностей и институтов. И когда

вы это поймёте, тогда вам станет ясно, что вам надо делать, чтобы ускорить процесс модернизации, не повторяя при этом чужих ошибок».

А теперь я спрошу у вас: вы читали хоть одну философскую работу Фукудзавы? Нет, конечно. Потому что у нас в России практически нет его переведённых работ. А в Японии его работы знает едва ли не каждый японец. Вот вам и один из возможных ответов на ваш вопрос. Как говорил Александр Сергеевич Пушкин: «Мы ленивы и нелюбопытны». До каких же пор мы будем ленивы и нелюбопытны? Не пришла ли пора стать более любознательными? Правда, жизнь очень жёстко и без сантиментов начинает учить нас жить в более конкурентном и более агрессивном мире. Но совет Фукудзавы, мне кажется, нужно помнить и нам.

АА. Выше вы упоминали о «хорошем образовании». Сейчас в СМИ идут горячие дискуссии о ЕГЭ: пользу или вред он приносит? Как вы думаете?

ЮМ. Потребность в ЕГЭ появилась во всех странах, в которых возникли новые отрасли экономики. Для этих отраслей появилась необходимость искать таланты. Возникла она и у нас. В лучших университетах страны (Москва, Петербург) сейчас более семидесяти процентов поступивших—это выпускники со всей России. До ЕГЭ их было всего около тридцати процентов. ЕГЭ—это инструмент отбора двух крайностей: наиболее одарённых и подготовленных школьников, которые должны иметь возможность учиться в вузах высших категорий,—и самых слабых, которые требуют особой медицинской, психологической и учебной поддержки.

Но самая большая категория школьников—это «середняки». С ними что делать? По моему мнению, возражают против ЕГЭ главным образом родители «середняков» и учителя, их воспитывающие. Однако в последние годы родители всё более начинают понимать значение хорошего образования для своих отпрысков и, чтобы сделать их более успешными, сами занимаются их образованием: посылают их во всевозможные кружки, студии, школы внеклассного обучения, нанимают репетиторов, гувернёров и так далее, чтобы подтянуть их до подготовленных и успешных. А не получится—что ж, для «середняков» полно другой работы; места в обществе хватит всем.

А с другой стороны, и сам ЕГЭ нужно улучшать, совершенствовать. Но ещё больше нужно улучшать, совершенствовать школу.

АА. Ещё одна из острых тем нынешних дискуссий по поводу образования—постоянное сокращение гуманитарных дисциплин в школах. Ведь

это один из самых больших промахов советского образования, последствия которого до сих пор по-настоящему не осмыслены: когда в образовании преобладали естественно-научные дисциплины в ущерб гуманитарным, причём гуманитарное образование, в свою очередь, сводилось зачастую лишь к марксистско-ленинскому начётничеству. Этого начётничества давно уже нет, а преобладание естественно-научных дисциплин за счёт сокращения дисциплин гуманитарных всё увеличивается. Да, конечно, естественно-научное образование готовит рационально мыслящих и технически подготовленных молодых людей—но ведь только гуманитарное образование способно привить им основополагающие нравственные ценности: честь, совесть, достоинство, уважение к родной истории и культуре, любовь к Родине, стремление к самовоспитанию и самообразованию, к творческой самореализации и так далее,—без которых молодым людям трудно будет создать в своём Отечестве инновационное общество и достойно вписаться в него. Как совместить эти два вида образования?

ЮМ. Согласен с вами. Даже скажу больше: на мой взгляд, перестройка и её последствия в виде «дикого» рынка и «опущенности» общества во многом связаны с нашим самосознанием и мировоззрением, с сознанием и мировоззрением ведущих политиков, многие из которых были гуманитариями. Когда я видел и слушал их в Москве, меня поражал их узкий кругозор, отвлечённые фантазии в головах, совершенное непонимание ни окружающей обстановки, ни психологии людей, растерянность в глазах: что делать? куда идти?..—а ведь среди них были крупные учёные, кандидаты и доктора наук. Помните, наверное, одного из провозглашённых тогда программ: «Программа 500 дней»?—и ни одного серьёзного возражения на подобные фантазии! Это было время жесточайшего кризиса в стране. Кризиса экономического, политического и—гуманитарного! По последним данным, уровень преподавания гуманитарных дисциплин в наших университетах находится на семьдесят втором месте в мире.

Очевидно, что имеющийся у нас сейчас уровень гуманитарного образования является серьёзным тормозом нашего современного цивилизационного развития. А вот что с этим делать? Я, пожалуй, снова сошлюсь на японский опыт: в Японии, например, три года назад отменено преподавание всех гуманитарных дисциплин в университетах, но во всех без исключения вузах во все дисциплины ввели модули гуманитарных знаний. Я не знаю, какие причины заставили их это сделать. Не уверен,

что нам надо сломя голову бежать за ними. Одно ясно: лучше всего идти вперёд на двух ногах — хорошее естественно-научного и гуманитарного знаний.

АА. И последний вопрос к вам, Юрий Николаевич, на этот раз не имеющий отношения к основным темам нашего диалога, — вопрос о встрече Александра Исаевича Солженицына с Виктором Петровичем Астафьевым, когда Солженицын при возвращении из вынужденной эмиграции ехал поездом из Владивостока в Москву, останавливался в каждом крупном городе для знакомства с постперестроечной Россией и в июне тысяча девятьсот девяносто четвёртого года остановился в Красноярске. Знаю, что вы, являясь в ту пору полномочным представителем президента в крае, стали одним из инициаторов (или даже главным инициатором?) — и одновременно свидетелем — встречи Солженицына с Астафьевым. По-моему, то была единственная в своём роде персональная встреча Солженицына с россиянином за всё время его первого, такого огромного, путешествия по России. Однако подробностей этой встречи я до сих пор в печати не встречал. Не могли бы вы рассказать о ней, хотя бы вкратце?

ЮМ. Да, пользуясь своим положением представителя президента, я в некоторой степени способствовал встрече Солженицына не только с Астафьевым, но и с разными группами красноярцев, хотя эти контакты и носили локальный характер.

Однако у этих встреч была своя предыстория. В начале июня тысяча девятьсот девяносто четвёртого года в моём кабинете раздался телефонный звонок от коллеги, представителя президента в Иркутской области Игоря Широкова, известного в ту пору писателя и журналиста-иркутянина, занимавшегося экологической защитой Байкала, и он, несколько растерянный, сказал мне примерно следующее: «Юра, я ничего не понимаю! У нас произошло значимое событие — приехал Солженицын, а ведёт он себя странно. Мы составили делегацию для встречи с ним, в которую вошёл губернатор-демократ, избранный законным путём, но Солженицын избегает встречи с ним, с нами, слушать никого не хочет, в то же время высказывает отрицательные факты и всех поучает. Но мы и сами знаем, что у нас полно нерешённых проблем... Похоже, он воспринимает нас как людей прежней власти и совершенно не понимает, что у нас происходит... Завтра он будет у вас. Надо как-то найти с ним контакт!» — «Может, попробовать организовать его встречу с Астафьевым?» — предложил я. «Конечно!» — поддержал он.

И я тотчас же позвонил Виктору Петровичу, с которым у меня были давние и довольно доверительные отношения, рассказал ему о приезде Солженицына, о том, как он ведёт себя в сибирских городах, останавливаясь на один-два дня; да, конечно, у него много претензий к прежней власти: он был выдворен из страны, двадцать лет прожил в Америке, и у него на всё своё видение, — но ведь он уехал из одной страны, а вернулся в другую, так кто-то же должен сказать ему об этом простыми словами в доверительной беседе...

Астафьев понял мою просьбу, немного подумал и сказал, что завтра днём, в двенадцать ноль-ноль, он уезжает на теплоходе в Игарку, где у него есть договорённость о встрече с бывшими игарскими детдомовцами, авторами книги «Мы из Игарки», и что он готов встретиться с Солженицыным, если только мы сумеем организовать эту встречу до двенадцати часов дня. Я пообещал ему это, причём мы с ним договорились, что встреча будет проходить с глазу на глаз, без микрофонов, телекамер и журналистов.

А между тем меня на следующий день тоже ждали дела, требующие моего обязательно присутствия, поэтому следующим утром, очень рано, часов в шесть, я позвонил Роману Солнцеву — мы с ним были тогда соседями по Академгородку, объяснил ему ситуацию и попросил его отвезти Солженицына к Астафьеву. «Почему я?» — спрашивает он. «Ну, во-первых, ты руководитель местного отделения ПЕН-клуба, такой уважаемой международной организации, — оправдываюсь я, — во-вторых, ты известный поэт и драматург с демократической позицией, в-третьих, ты дружишь с Астафьевым, а в-четвёртых, я просто очень занят!» — «Ну хорошо», — согласился он и быстро собрался; я заехал за ним на машине, и мы помчались на вокзал.

Приехали, когда поезд уже пришёл. Два вагона (в одном ехал Солженицын с семьёй, в другом — журналисты Би-би-си, которые снимали большой фильм о его приезде в Россию) были отцеплены и загнаны в тупик недалеко от вокзала. Мы подошли; у дверей — столпотворение журналистов с фотокамерами, и — тишина. Наконец одна из дверей открывается, появляется мужчина и говорит: «Александр Исаевич спит; будить его нельзя. Приходите к восьми ноль-ноль утра». Недовольные журналисты стали расходиться. Я говорю Роману: «Давай приедем к восьми».

Приехали к восьми; теперь нас было всего четверо: мы с Романом, один знакомый мне фотограф-любитель и какой-то мужик с иконой. Вышел сам Солженицын; я представлялся

ему и обращаясь с просьбой от Астафьева: «Если у вас есть желание увидеться с ним, то у него единственная возможность встретиться с вами — только сейчас, потому что днём он должен сесть на теплоход и плыть в Игарку». Солженицын растерялся: «А как я поеду?» — «У меня есть машина», — говорю. Тотчас сели в машину и поехали. Но я доехал до своей работы и, выходя из неё, сказал Александру Исаевичу: «У меня срочная работа. Дальше вас будет сопровождать Роман Харисович. Если у вас потом будет желание встретиться с губернатором, с новыми людьми новой власти — я готов посодействовать». И они уехали в Овсянку.

Я не поехал не только потому, что был занят. Раз человек так подозрителен и так жёстко оценивает людей, неожиданно, вроде меня, попавших во власть, то пусть с ним едет человек из его писательского братства: они быстрой найдут общий язык.

Потом Роман подробно рассказал мне то, чему сам был свидетелем.

Астафьев встретил Солженицына на крыльце. Сначала их разговор был очень жёстким и — не на литературном языке; в начале встречи Виктор Петрович сказал ему: «Ты зачем сюда приехал? Сказать молодым людям России, что у них нет будущего? Что их страна обречена и что они все обречены? Мы с тобой стоим перед погостом, а им — жить! С ними надо говорить по-другому...»

Потом они зашли в дом, а Роман остался во дворе, на лавочке. Двери в дом были распахнуты; их слов ему было не слышно, но слышался общий тон их разговора, и тон этот постепенно становился тише, спокойнее.

Часа через два они вышли во двор, оба — уже улыбаясь. Там, во дворе, Виктор Петрович лишь попросил Солженицына обязательно встретиться с новыми представителями власти, и в частности с губернатором; а на прощание они обнялись. Тут наконец примчались журналисты с камерами, и кто-то из них эти объятия успел запечатлеть.

Астафьев уехал, а Солженицын после обеда появился в администрации края. Сначала зашёл ко мне и сказал, что встреча прошла хорошо и что он вполне удовлетворён ею. Потом у него была встреча с губернатором Zubovым, а на следующий день — встреча в большом конференц-зале бывшего Дома политпросвещения с общественностью, съехавшейся со всего края. Зал был набит битком. Сначала выступил Солженицын. Говорил он хорошо, доходчивым, понятным всем языком. Потом были выступления; при этом Александр Исаевич многое из того, что говорилось, записывал в свою тетрадь. В целом выступающие его

поддерживали. Высказанная Солженицыным мысль о земстве была для зала несколько неожиданна и непонятна, но большинство с его доводами согласилось. Но были и недоумение, и горячие возражения ему, и рекомендации, и подсказки, развивающие высказанные Солженицыным тезисы.

Особенно запомнилось выступление одной женщины из Новосёловского района; она говорила о том, что «вот вы нам говорите, как у нас всё плохо, — а за последние четыре года у нас происходит много чего хорошего: открываются церкви; люди начинают заниматься предпринимательством; появились товары, о которых мы только мечтали; мы теперь имеем возможность выбирать во власть тех, кого мы хотим. Вы сначала спросите у нас, что у нас изменилось, а потом мы вам сами скажем о наших проблемах, о том, что нам ещё надо изменить к лучшему!...» — и я тогда впервые увидел на лице Солженицына некоторую растерянность.

В те дни, когда он ехал по Сибири, его показывали по телевидению почти ежедневно, и было хорошо заметно, как, вернувшись в Россию, он взял на себя роль мессии, спустившегося с небес на грешную землю, чтобы научить людей жить правильно. Вспоминаю, как один человек говорил мне в те дни: «Посмотрите, как он улыбается! Это улыбка пророка, который один знает то, чего больше не знает никто!» В современной литературе эту улыбку называют ещё «улыбкой Хомейни». Так вот, в тот день, когда проходила встреча в Доме политпросвещения, я впервые видел его без этой всезнающей улыбки.

И всё-таки, судя по дальнейшей его жизни в России и по его публицистике того времени, он не сумел преодолеть в себе комплекса единственного человека, знающего, что надо делать, в то время как наиболее продвинутая часть российского общества, благодаря множеству распахнувшихся каналов информации, быстро набиралась знаний, необходимых для обретения самосознания. Мне кажется, именно поэтому Солженицын не приобрёл у нас по приезду достаточно единомышленников, а потом и вовсе оказался всенародно забыт, и вспоминали о нём только в дни его юбилеев.

Хочется упомянуть ещё об одном эпизоде пребывания Солженицына в Красноярске: на следующий день после встречи с общественностью было запланировано посещение им красноярских «Столбов». Я предложил ему: «Позвольте сопровождать вас туда?» — «Пожалуйста», — сказал он. Но я не знал, что, оказывается, компания Би-би-си, заключившая с ним контракт, оплатившая всю его поездку по России и организовавшая в том числе и поездку на «Столбы», сама решала, кто туда поедет, и я

видел, как бесцеремонно эта команда Би-би-си ведёт себя с ним, как он зажат и у него нет свободы действий. И я понял, насколько он встроен в другую культуру и насколько ему трудно быть самостоятельным.

Но всё-таки самое главное в красноярской встрече с Солженицыным—это отметили тогда все центральные СМИ!—только начиная с Красноярска, Солженицын стал активно встречаться и с представителями власти, и с широкой общественностью России и стал говорить о развитии земского самоуправления в России.

Я не собираюсь выпячивать своей роли в этой встрече—и всё же смею утверждать, что некоторое преобразование поведения Александра Исаевича в России, начиная с Красноярска, произошло не без наших общих усилий, и в первую очередь усилий Виктора Петровича Астафьева, прекрасно знавшего Россию, её интеллигенцию и её простой народ, её жизнь, её беды, проблемы и трагедии, причём знавшего намного глубже и ближе, чем Александр Исаевич, и умевшего говорить об этом с сильными мира сего прямо, иногда резко, грубо и прямолинейно.